

А.А. Шинкаренко

A. Shinkarenko

**В ОБЪЯТИЯХ
ЗАВИСИМОСТИ?
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ
ПЕРИПЕТИИ
«ПЕКИНСКОГО
КОНСЕНСУСА»**

**IN THE ARMS OF
DEPENDENCY?
LATIN AMERICAN
REHASHES OF THE
"BEIJING CONSENSUS"**

Аннотация

Приводится опыт применения китайской экономической модели, которая в странах Латинской Америки известна под термином «Пекинский консенсус», а также оценивается вклад данного подхода в вопросы политической и экономической стабильности в регионе.

Цель исследования – проследить эволюцию торговых связей Латинской Америки с Китаем с учетом особенностей местной модели природной ренты. Работа дополняет уже существующие исследования, сфокусированные на проблемах экономического и политического развития стран Латинской Америки и Карибского бассейна в конце XX – начале XXI вв.

Исследование основано на использовании системного подхода в теории международных отношений. Автор обращается к методам теории зависимости и мир-системного анализа, чей инструментарий позволяет продемонстрировать диспропорции, которые обнаруживаются в текущей экономической и политической повестке региона. Также заслуживают внимания незападные подходы в современной теории международных отношений, дополняющие изучение современного мирового политического и экономического пространства.

Результаты исследования показывают, что на фоне политических и экономических потрясений, спровоцированных политикой «Вашингтонского консенсуса» в регионе, появился стойкий запрос на альтернативные модели экономического развития, подходящие под местную специфику. Обращение к китайской экономической парадигме оказалось неслучайным, так как ее активная промышленная составляющая совпала с целями и задачами рентных

Abstract

The article analyzes the experience of applying the Chinese economic model, which in Latin American countries is known by the term "Beijing Consensus", and also assesses the contribution of this approach to issues of political and economic stability in the region.

The purpose of the study is to trace how relations between Latin American countries and the People's Republic of China were built, as regional participants applied the Chinese experience to the local conditions of "peripheral capitalism". The presented analysis fits into the general context of research on the peculiarities of the economic and political development of Latin America and the Caribbean in the late twentieth and early twenty-first centuries.

The research is based on the use of a systematic approach in the theory of international relations. In his analysis, the author refers to the methods of dependency theory and the world system, whose tools allow us to demonstrate the imbalances that are found in the current economic and political agenda of the region. Non-Western approaches in the modern theory of international relations, which complement the study of the modern world political and economic space, also deserve attention.

The results of the study show that against the background of political and economic turmoil provoked by the policy of the "Washington Consensus" in the region, there is a persistent demand for alternative models of economic development suitable for local specifics. The appeal to the Chinese economic model turned out

экономик Латинской Америки. Местные элиты были заинтересованы в получении сверхприбылей от проектов в сфере инфраструктуры и добычи полезных ископаемых. Это стало трендом в контексте «левого дрейфа» начала XXI в., ввиду чего наиболее ярким стал пример Венесуэлы с ее ставкой на активную эксплуатацию углеводородов.

Опыт «Пекинского консенсуса» в Латинской Америке с фокусом на повышение роли государства в экономиках природной ренты, на краткосрочном треке оказался неоднозначным. Несмотря на отдельные позитивные аспекты региональные участники демонстрирует крайнюю уязвимость от мировой конъюнктуры на ресурсные товары, что ведет к серьезным последствиям как в экономике, так и сказывается на политической стабильности. Издержки данной модели следует оценивать в дальнейших исследованиях в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова:

теория зависимости, центр-периферия, Китай, Латинская Америка, экономическое развитие, Пекинский консенсус, политическая нестабильность, международные отношения.

to be no coincidence, since its active industrial component coincided with the goals and objectives of the rental economies of Latin America. Local elites were interested in making super profits from infrastructure and mining projects. This has become a trend in the context of the "left drift" of the early 21st century, which is why the most striking example was Venezuela with its bet on the active exploitation of hydrocarbons.

The experience of the "Beijing Consensus" in Latin America, with a focus on increasing the role of the state in natural rent economies, turned out to be contradictory in the short term. Despite some positive aspects, regional participants demonstrate extreme vulnerability to the global environment for resource products, which leads to serious consequences both in the economy and political stability. The costs of this model should be assessed in further studies in the medium term.

Key words:

dependency theory, center-periphery, China, Latin America, economic development, Beijing Consensus, political instability, international relations.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-78-97>

Появление феномена «Вашингтонского консенсуса» (первоначально предложен в 1989 г. британским экономистом Дж. Уильямсоном) позволило говорить о формировании обобщенного термина, применимого ко всей структуре неолиберального экономического мышления. Его системообразующие принципы (всего их 10) с жестким финансовым регулированием, сокращением издержек, либерализацией экономик, их открытостью для прямых иностранных инвестиций и др. активно навязывались международными финансовыми организациями (МВФ, Всемирный банк) правительствам развивающихся стран (Ананьин et al., 2010). Подобный подход безусловно обслуживал интересы идеологии однополярного мира, в которой решающее слово оставалось за участниками «Большой семерки» (G-7). Метод «шоковой терапии» для экономик периферийных государств подавался кураторами как единственно «правильный». Особенно этот рецепт стал популярен среди тогдашних правительств латиноамериканских стран. Последние постоянно испытывали давление со стороны администраций в Вашингтоне, одновременно стремясь справиться с последствиями

«потерянного десятилетия» (1980-е гг.). Однако череда провалов в реформах с применением подобных рекомендаций и глобальные финансовые потрясения 1990-х гг. на практике показали малоэффективность данного инструмента применительно к накопленным экономическим и социальным проблемам региона. На это обратил внимание американский Нобелевский лауреат по экономике (2001) Дж. Стиглиц. Критикуя деятельность МВФ, ученый указал, что практика подобных методов в конечном счете привела к азиатскому финансовому кризису (1997-1998 гг.), чьи остаточные явления выразились в крупнейшем за всю историю дефолте в Аргентине в 2001 году¹. В итоге происходил процесс перетекания огромных потоков денежной массы из развивающихся экономик на счета участников G-7 через искусственное создание кризисов и турбулентности, известный в науке с подачи итальянского социолога мир-системного анализа Дж. Арриги (1937-2009 гг.) как «накопление изъятием».

Весьма закономерной реакцией на подобные явления стал запрос на формирование новых центров экономического и политического влияния, что вносило определенные коррективы в уже устоявшийся с момента распада bipolarной системы status-quo. Одним из первых, кто обратился в данному вопросу в своей записке «Building Better Global Economic BRICs» (дословный перевод – «Строим лучшую мировую экономику БРИКС») для Goldman Sachs стал аналитик банка Дж. О'Нил². Хотя призыв о необходимости к созданию «пост-Вашингтонского консенсуса» звучал и ранее среди наиболее убежденных критиков неолиберальной парадигмы, «которая не является полной, а также в ряде случаев ошибочной» (Stiglitz, 2008). Главное условие – такая альтернатива должна быть применима к экономическим условиям стран «глобального Юга». По этой причине в научном и экспертном сообществах все чаще стали говорить о китайской модели, известной как «Пекинский консенсус» (кит. 北京共识; пиньинь: Běijīng gòngshí) (Svampa&Slipak, 2015). Экономические реформы в КНР, избежавшей при этом политической нестабильности, демонстрировали феноменальный рост. При этом сохранялся суверенный контроль над финансовой системой, что убеждало многих участников МО, что для увеличения показателей экономик необходимо государственное участие. Появление на латиноамериканском пространстве Поднебесной в качестве возможной альтернативы Вашингтону, как подчеркивает аргентинский поли-

¹ Komisar, L. (2011, June). Interview with Joseph Stiglitz. The Progressive. <https://archive.globalpolicy.org/social-and-economic-policy/the-three-sisters-and-other-institutions/internal-critics-of-the-world-bank-and-the-imf/50588-interview-with-joseph-stiglitz.html>

² История БРИКС. (2023, Сентябрь). Коммерсант. Деньги. <https://www.kommersant.ru/doc/6197210>

толог К. Эскуде, позволило ключевым акторам региона самим выбирать в текущей парадигме более выгодные условия сотрудничества (Escude, 2012).

Это делало китайскую модель развития уникальной и привлекательной, из-за чего ее стали противопоставлять терявшему своих сторонников «Вашингтонскому консенсусу». В подтверждение тезиса о необходимости новых полюсов экономического и политического влияния в 2004 году бывший редактор журнала «Time», американский экономист Дж. Купер Рамо издал работу «Пекинский консенсус». В ней автор свел свои рассуждения к трем направлениям: развитию, основанному на инновационных технологиях; акценту на приоритет устойчивости и равенства; а также самоопределению в международных отношениях (Li, Xi et al., 2009). В то же время сам Купер Рамо не воспринимал подобную экономическую стратегию как вызов США¹. Краеугольным камнем в выборе модели развития все также остается гибкая настройка собственного подхода, основанного на особенностях локальных условий с учетом накопленного мирового опыта, что в дальнейшем позволит достичь желаемой стабильности и стимулировать экономический рост. Как подчеркнул в одной из своих работ Эскуде, интерес государств на обочине мировой политики больше определяется в категориях благосостояния своих граждан, нежели в терминологии проблем безопасности (Еремин, 2021, с. 54). В то же время вопрос о воспроизводстве зависимости, несмотря на смену основных участников остается на повестке дня.

Вопросы политической стабильности неотделимы от процессов экономического развития, где стартовые условия государств как единицы международных отношений обладают собственной уникальностью. Поэтому для анализа проявления «Пекинского консенсуса» в государствах латиноамериканского региона резонно обратиться к системному подходу в теории международных отношений (ТМО). В его рамках, как отмечает отечественный исследователь П.А. Цыганков, среди всех типологий международных систем неомарксистский подход позволил предложить альтернативу господствующей парадигме в ТМО (Цыганков, 2013, с. 13-15). Вместе с тем отсутствие единого истолкования действительности представлялось закономерным, так как внутри данного направления существовало сразу несколько вариаций. Здесь следует отдельно выделить подходы, которые возникли в Латинской Америке и Европе. В частности, речь идет о теории зависимости, которая впоследствии трансформировалась в «периферийный капитализм», а также мир-системный анализ Ф. Броделя и теории несимметричной взаимозависимости Й. Галтунга.

Представители теории зависимости, также известные как депендентисты (от исп. *dependencia* – зависимость), среди которых были видные латино-

¹ Maurits, E. (2016, August). Joshua Cooper Ramo on the Beijing Consensus in the Age of Networks. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2016/08/interview-joshua-cooper-ramo/>

американские экономисты и социологи (Р. Пребиш, Ф.Э. Кардозу, Э. Фалетто, Р. Марини, С. Фуртаду, А.Г. Франк и др.) при анализе проблемы неравенства в глобальных экономических отношениях опирались на модель «центра-периферии». По их утверждению, что общественное развитие происходит путем наслаивания одного общественного строя на другой (Цыганков). При этом применение центром в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАКБ) модернизационных подходов способствовало социальному расслоению и дезорганизации в каждом отдельно взятом государстве региона. В местных условиях сформировалась единственная на периферии узкая прослойка населения с покупательной способностью. В свою очередь локальные рыночные отношения воспроизводили модель зависимого развития, что в дальнейшем трансформировалось в «периферийный капитализм», который активно разрабатывали сразу несколько исследователей, в т.ч. Р. Пребиш и А.Г. Франк. Согласно последнему, задачей вышеописанное экономической модели являлось не сокращение имевшихся «кливажей» между ядром и периферией (Цыганков, 2013; Lengruber, 2021, р. 40), а именно, сохранение «недоразвития» у стран, богатых природными ресурсами для извлечения собственной выгоды. Также был выдвинут тезис о том, что, начиная с XVI века развитие стран ядра проходило за счет непрерывного воспроизводства неразвитости у периферийных акторов, где центр намеренно отводил последним подчиненную роль в процессе международного разделения труда (МРТ). Такая логика увеличивала экономический разрыв между странами «Глобально Севера» и «Глобального Юга», о чем, в частности, упоминал в своих работах франко-египетский исследователь С. Амин. Как часть марксистской традиции, теория зависимости, обладавшая всем необходимым для анализа глобальной повестки, оказалась в маргинальном положении в исследованиях ТМО. По иронии это заметно в академическом дискурсе стран ЛАКБ – региона, в котором она была разработана, идея о зависимом развитии находит мало приверженцев в среде научного сообщества (Lengruber, р. 41).

Закономерным этапом в развитии рассматриваемого подхода стал мир-системный анализ МО, что особенно стало заметно в 1980-е гг. Его представители (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, С. Амин, Т. Дус Сантус, Дж. Арриги и др.) в своих исследованиях дополняли модель «центр-периферии» новым элементом – «полупериферией». Последний являлся ключевым для сторонников неомарксистской парадигмы в ТМО. Это добавляло существующей структуре большую пластичность в контексте современной гегемонии (доминирования) центра. Важным аспектом также являлась принадлежность к одному из упомянутых уровней (центр-полупериферия-периферия), что, по мнению при-

верженцев подхода, должно определять поведение каждого из участников существующей структуры.

Последствия экономических и политических потрясений стимулировали государства к поиску альтернативного взгляда на происходящие международные процессы. В этой связи подходы, привнесенные латиноамериканской теорией зависимости, тоже могут быть использованы в данном ключе (Lengruber, p. 33). Учитывая критику европоцентричности в ТМО, о чем, в частности, заявляли А. Ачарья, Б. Бузан и др. (Лебедева, 2017) работы, посвященные незападным теориям (включая Китай и Индию) с их собственными конструктами, сформировали в международном интеллектуальном дискурсе запрос на соответствующий контент. Целью таких начинаний является обогащение теоретического анализа современного политического и экономического пространства, где исследователям предлагаются самостоятельные концептуальные модели, основанные на историческом опыте и философии регионов «Глобального Юга». Латинская Америка в этом отношении не является исключением. Еще до возникновения незападного направления в ТМО упоминавшийся ранее аргентинский исследователь К. Эскуде предложил собственную теорию периферийного реализма, изложенную в одноименной работе «Realismo Periférico» (1992). Согласно мнению этого ученого, латиноамериканские государства часто ориентируются на истеблишмент и правительственные институты в противовес интересам граждан и экономик, которые вынуждены справляться с издержками от деятельности отдельных администраций.

В начале XXI века доля импорта латиноамериканских товаров на китайский рынок была незначительной, однако с 2009 года экономические связи между сторонами стали укрепляться, сделав это направление для Пекина одним из приоритетных. Равно как и Центральная Азия Латинская Америка стала источником сырьевых ресурсов для Поднебесной. По мере развития этого процесса со странами региона КНР вошла в топ-3 основных направлений экспорта для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), смещая тем самым вектор торговли в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В частности, данное утверждение оказалось справедливым для Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Перу, Уругвая, Чили и Эквадора. Как отмечал аргентинский экономист А. Слипак, именно китайское направление являлось основным для бразильской, перуанской и чилийской экономик в 2012 году (Slipak, 2014, p. 114). В этот период представители китайских компаний приступили к активным прямым иностранным инвестициям в проекты на территории вышеназванных государств. В данной случае речь шла о капиталовложении в отрасли с высокой отдачей прибыли (горнорудная, нефтехимическая, пищевая, легкая и др. промышленность). В ряде случаев китайские

предприниматели инвестировали в производство, которое было связано с существующими сегментами потребительского рынка, сборочные предприятия или отдельные инфраструктурные проекты (Slipak, 2014).

Российский латиноамериканист Э.С. Дабагян также отмечал, что стороны демонстрировали взаимную заинтересованность, где Латинская Америка преследовала цель диверсифицировать направления сбыта своей продукции, а КНР стремилась поддерживать темпы широкой индустриализации, привлекая для этого внешние ресурсы. Об активном освоении Китаем (с начала 2000-х гг.) латиноамериканского экономического пространства говорят цифры: объем взаимного экспорта-импорта (2000–2006 гг.) значительно увеличился с 13 до 70 млрд долл., достигнув к концу десятилетия цифры в 170 млрд (Дабагян, 2016).

Стоит подчеркнуть, что внутри региональный контекст развития Латинской Америки стал определяющим для трансформации конвенциональной модели природной ренты в ее новую фазу, получившей название «неоэкстрактивизм». При всей многозначности трактовок этого понятия, существующих в научном дискурсе основную их часть можно свести к сверхэксплуатации природных ресурсов, которая с начала XXI века приобрела новые конфигурации и масштабы, не только благодаря соответствующим проектам, но также числу вовлеченных в них участников (как национальных, так и ТНК). Подобная парадигма развития, пробудив социальную мобилизацию местных сообществ из-за «грабительской» разработки полезных ископаемых, а также ее экологических последствий стала проверкой на прочность как для левых, так и для правых политических режимов региона (Svampa, 2019, pp. 5-6). В то же время высокий спрос на латиноамериканские товары подталкивал здешние правительства активнее использовать логику природной ренты, из-за чего некоторые из них столкнулись с феноменом «ресурсного проклятия». Любопытно, что провалы своей экономической политики латиноамериканские правительственные администрации оправдывали прямой зависимостью между сверхдобычей полезных ископаемых и развитием. В их представлениях именно неоэкстрактивистская парадигма являлась «меньшим злом» для борьбы с бедностью. В частности, данный тезис разделяет уругвайский социолог Э. Гудинас, подчеркивая, что популистские лозунги о сокращении социального неравенства в латиноамериканских обществах позволили властям не обращать внимание на экологические издержки, которые затрагивают «индейские или крестьянские общины, что еще больше усугубляет их бедственное положение» (Gudynas, 2014, p. 26). Опосредованно на развитие подобных процессов

повлияли нужды китайской промышленности и азиатских рынков сбыта в целом, где латиноамериканское сырье пришлось как нельзя кстати¹.

На фоне общерегионального контекста фаворитом в отношениях с Китаем стала Венесуэла, о чем, в частности, в своих работах отмечают отечественные исследователи Э.С. Дабагян, А.Ю. Борзова и Д.М. Розенталь. По их мнению, рабочие отношения между Пекином и Каракасом сложились раньше и интенсивнее, чем у остальных латиноамериканских соседей – первый визит тогдашнего венесуэльского президента У. Чавеса в КНР состоялся еще в 1999 году (Дабагян, 2016; Борзова, 2009; Розенталь, 2016). Благодаря четко определенным векторам двустороннего сотрудничества, в основном в энергетической и нефтяной сферах Китай получил права на разработку крупных месторождений в поясе Ориноко. В 2010 году Венесуэле был предоставлен кредит на 20 млрд долл. в обмен на поставки нефти сроком на 10 лет (Дабагян, 2016).

В указанный период товары экспортной номенклатуры из Латинской Америки на китайский рынок включали в себя полезные ископаемые и/или сырьевую продукцию высокого передела. Также отмечалось, что на фоне «правого поворота», наметившегося в регионе во второй половине 2010-х гг. Китай стал для левых режимов своего рода экономическим гарантом (Пятаков, 2018). Кроме того, продвигаемая Пекином инициатива «Пояс-Путь» оказалась столь привлекательной для латиноамериканских участников, что уже к 2018 году, их число составило 21 из 33 стран Западного полушария². Это позволило Пекину заручиться поддержкой региональных элит вне зависимости от их политической ориентации (Борейко et al., 2022). Поэтому неудивительно, что на сегодняшний день китайские компании преобладают на территории свободной экономической зоны (СЭЗ) Панамского канала.

Кроме того, вовлеченность представителей Пекина наблюдается и в других стратегически важных областях. КНР активно развивает со странами региона «космическую дипломатию». Во многом, как отмечают некоторые отечественные исследователи, благодаря китайской помощи ряд латиноамериканских государств стал развивать собственные национальные космические программы (Петрунина & Шушарина, 2024, с. 106). Это утверждение справедливо, в частности, для Венесуэлы (спутники Venesat-1, VRSS-1), Боливии (Turac Katari), Эквадора (Pegaso) и др. стран, чьи космические аппараты вы-

¹ Melguizo Estes A. (2017, February). China y Latinoamérica, más cerca.: https://elpais.com/elpais/2017/02/10/opinion/1486749571_518548.html

² Chiodi, L., Hoang Anh, T. N. (2022, March). The Belt and Road Initiative in Latin America: How China Makes Friends and What This Means for the Region. Latin American Focus Group. <https://blogs.eui.eu/latin-american-working-group/the-belt-and-road-initiative-in-latin-america-how-china-makes-friends-and-what-this-means-for-the-region/>

водились на орбиту на китайской ракете-носителе¹. Также в 2016 г. Пекин по договоренности с аргентинской стороной приступил к строительству в Патагонии (провинция Неукен) своей первой зарубежной станции космического слежения за спутниками и телеметрии. В реализации этого проекта стоимостью 300 млн долл. помимо гражданского персонала должны были участвовать военные специалисты от Народно-освободительной армии Китая (НОАК)².

Еще одним стратегически важным проектом для Пекина стало сооружение многоцелевого мегапорта в перуанском Чанкае в 70 км от столицы Лимы. Данный объект способен обслуживать самые крупнотоннажные суда мирового торгового флота. После его официального открытия в ноябре 2024 г. в перспективе ожидается, что затраты на логистику между материковым Китаем и Латинской Америкой сократятся на 20%, сократив время пребывания в море на 23 дня, что должно значительно увеличить товаропоток. Перу с этого момента становится важным транспортным узлом для наземных и морских перевозок между Азией и Южной Америкой, учитывая намерения китайской стороны вложить дополнительные инвестиции в развитие этой инфраструктуры³. Сотрудничество Пекина и латиноамериканских акторов в подобных высокотехнологических проектах является причиной для беспокойства Вашингтона, который относится к таким инициативам с подозрением, так как они затрагивают вопросы безопасности в Западном полушарии.

Также впечатляют и общие суммы кредитов, выданных латиноамериканским заемщикам Китайским банком развития (China Development Bank, CDB) и Экспортно-импортным банком Китая (China Exim Bank, CHEXIM), которые с 2005 по 2020 гг. составили около 138 млрд долл⁴. Это сопоставимо со средствами, предоставленными тремя банками развития сразу: Межамериканским банком развития (МБРР), Андской корпорацией развития и Всемирным банком (ВБ). В тоже время рост китайского кредитования происходил на фоне замедленного экономического роста, сопровождавшегося сокращением объемов производства, в частности, в Бразилии, Венесуэле и Эквадоре. В этих условиях эксперты предлагали странам региона сфокусироваться на диверси-

¹ Китай запустил в космос спутник дистанционного зондирования Земли с высоким разрешением. (2013, Апрель). TACC. <https://nauka.tass.ru/nauka/513451>

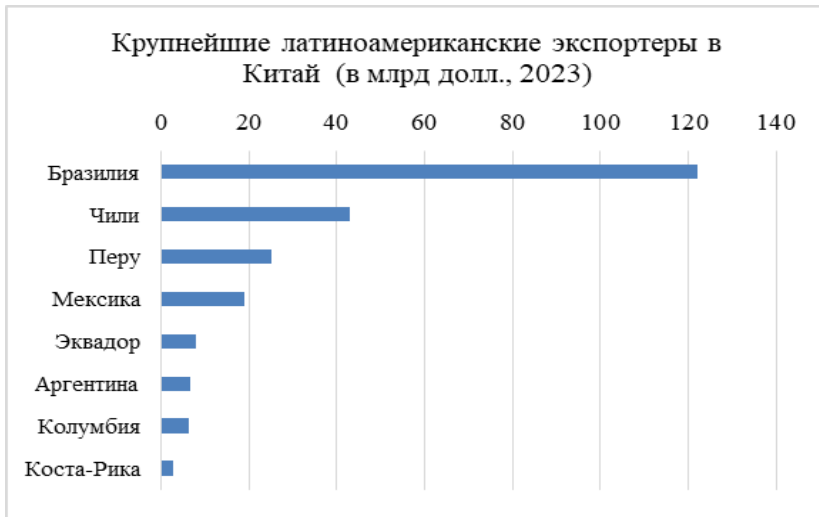
² Lee, V. R. (2016, May). China Builds Space-Monitoring Base in the Americas. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2016/05/china-builds-space-monitoring-base-in-the-americas/>

³ Лидеры Китая и Перу открыли новый крупный порт Чанкай, способствуя торговым связям Латинской Америки. (2024, Ноябрь). Синьхуа <https://russian.news.cn/20241116/cd2bb291f149467f979aa51a833a1485/c.html>

⁴ Bruzzone, S. (2023, March). La financiación china en Latinoamérica: De prestar a gobiernos a invertir en la compra de empresas. Universidad de Navarra. <https://www.unav.edu/web/global-affairs/la-financiacion-china-en-latinoamerica-de-prestar-a-gobiernos-a-invertir-en-la-compra-de-empresas> (In Spanish).

фикации своей экспортной номенклатуры, чтобы преодолеть существующее «ресурсное проклятие»¹.

По состоянию на 2023 год объем товарооборота между Латинской Америкой и Китаем превысил отметку 480 млрд долларов². Если рассматривать состав экспорта из региона на рынки азиатского гиганта, то большая его часть (ок. 72%) приходится на сырую нефть, катоды меди, медную и железную руды, а также сельскохозяйственную продукцию (говядина, соя и ее производные и др.). При этом крупнейшим латиноамериканским игроком в торговых отношениях с КНР является Бразилия, объем экспорта которой составил 122 млрд долл., а общий двусторонний товарооборот – 181 млрд долларов. За ней следуют Чили с 43 млрд и Перу с 25 млрд³.

Кроме того, в пост-пандемийный период страны региона увеличили зависимость как от кредитования Пекином, так и от эксплуатации природной ренты, что негативным образом сказалось на экономических показателях всего латиноамериканского региона. Перед рядом правительств встал важный

¹ Llorente, J., Vallejo, C. (2021, September). América Latina ante la bipolaridad Estados Unidos China, ¿es la hora de Europa? Atalayar. Between Two Shores. <https://www.atalayar.com/en/articulo/economy-and-business/america-latina-bipolaridad-estados-unidos-china-es-hora-europa/20210908153354152848.html>

² La Nación (2024, April). Cuáles son los 5 países de América Latina que más exportan a China (y qué diferencia a México de los demás) <https://www.lanacion.com.ar/economia/cuales-son-los-5-paises-de-america-latina-que-mas-exportan-a-china-y-que-diferencia-a-mexico-de-los-nid25042024/>

³ Melo, M. F. (2024, May). Brasil, principal socio comercial de China en América Latina. <https://es.statista.com/grafico/32215/paises-latinoamericanos-que-mas-exportaron-a-china/>

вопрос с погашением внешней задолженности, для чего пришлось привлекать новые крупномасштабные кредиты. Самыми крупными странами-заемщиками в регионе стали Венесуэла и Эквадор (Сафронова, 2022). Так, Каракас уже имеет перед китайской стороной задолженность ок. 60 млрд долларов.

Показателен для исследователей опыт Венесуэлы, чье освоение нефтегазовых активов в течение многих десятилетий привлекало в национальную экономику нефтедолларовые доходы и стимулировало к всестороннему развитию государства. Подобный подход получил название «сеять нефть» с подачи национального общественного деятеля А. Услара Пьетри, предложившего его в 1936 году¹. Власти страны стремились проводить активную промышленную политику, целью которой была стратегия по расширению добычи энергоносителей на месторождениях нефтяного пояса Ориноко (чья общая площадь составляет 55,3 тыс. км²) на блоках «Карабобо», «Бояка», «Хунин» и «Аяучо». В то же время главная промышленная отрасль Боливарианской Республики переживает вот уже последние несколько лет структурный кризис, чтобы поддерживать ранее существовавший уровень добычи углеводородов. Операционная мощность *Petróleos de Venezuela* (PDVSA) – нефтегазового монополиста страны, сильно пострадала от затяжного экономического кризиса, который страна переживает с 2014 года. Санкции США значительно ограничили финансирование инициатив компании, приведя к проблемам с ликвидностью. Состояние нефтяной промышленности Венесуэлы, на которую приходится 90% экспортной выручки страны, связано с отсутствием инвестиций в инфраструктуру и сложностями менеджмента. Кроме того, было отмечено снижение ежедневной добычи сырой нефти в течение последнего десятилетия. Этот признак является типичным при отсутствии финансовых вливаний в сектор, что привело к снижению производительности PDVSA.

По мнению отечественного экономиста В.Л. Семенова, правительство изымало денежные средства, заложенные на разведку и разработку перспективных месторождений, направляя их на реализацию различных социальных программ. Неадекватный менеджмент в PDVSA также осложнялся нехваткой квалифицированных рабочих, которых пытались заменить военными, не обладающими соответствующими навыками². Ситуация в секторе значительно ухудшилась после серии коррупционных скандалов и ареста топ-менеджеров PDVSA, что затруднило процесс принятия решений на предприятии, из-за это-

¹ Семенов, В. Л. (2018). Как посеешь. Нефть и капитал, (9), 40-46.

² *El Economista* (2018, March). La crisis en Venezuela 'destruye' su tesoro nacional: la producción de petróleo caerá a niveles de 1940. <https://clck.ru/3FrRuB>

го для налаживания управления национальным нефтяным монополистом венесуэльские власти поставили кадрового офицера М. Кеведо (2017-2020).

Очередным вызовом, с которым в описываемый период пришлось столкнуться главной отрасли Боливарианской Республики, стал запрет на импорт легких сортов североамериканской нефти, которые необходимы для разбавления тяжелой венесуэльской. Это осложнило работу не только местных НПЗ, но и нефтяного сектора в целом, испытывавшего острое недофинансирование, прежде всего в разработку месторождений и обновление соответствующей инфраструктуры. Острый кризис в основном экспортном секторе подкрепляется снижающимися показателями производства сырой нефти. Проявления экономической и политической нестабильности стали негативно сказываться на продуктивности главной экспортной отрасли страны. При президенте У. Чавесе (1999-2013), согласно отчетам Международного энергетического агентства (МЭА), показатели ежедневной добычи находились на отметке свыше 3,5 млн б/день¹. Однако спустя несколько лет с момента его смерти PDVSA уже не могла выдерживать квоты производства, установленные ОПЕК. Дополнительные проблемы стали приносить веерные отключения электроэнергии: в марте 2019 года от них страдало население 21 из 23 штатов страны, включая столичный регион Каракаса. Статистика ОПЕК демонстрировала снижение производства с 732 тыс. б/д в марте 2019 года до 687 тыс. б/д в ноябре того же года². Меньшие объемы добычи в нефтяном картеле демонстрировало лишь еще одно государство Латинской Америки – Эквадор (вышедший из организации в январе 2020 года) с 530 тыс. б/день.

Необходимость корректировки операционной деятельности на фоне сложившейся ситуации демонстрировали и некоторые из крупнейших поставщиков нефтесервисных услуг (например, Schlumberger и Halliburton). Так, последняя весной 2018 года на фоне обвала боливара, политической турбулентности и санкционных мер со стороны Вашингтона, запрещающих американским компаниям иметь дело с новыми долговыми обязательствами PDVSA, сообщила о выводе части своих активов из Боливарианской Республики. Тем не менее, представительство компании продолжило свое присутствие в стране³.

Китайские власти активно финансировавшие проекты с PDVSA планировали подготовку к постепенному выводу своих активов из страны. Для этого был отозван многочисленный инженерный и рабочий персонал: начиная с

¹ El Nacional (2017, May). El petróleo en Venezuela, un sector en crisis profunda sin visos de mejora. <http://www.el-nacional.com/noticias/petroleo/petroleo-venezuela-sector-crisis->

² OPEC (2019, November). Monthly Oil Market Report. Vienna.

³ Krauss, C. (2018, April). Halliburton y el colapso de la industria petrolera en Venezuela. The New York Times. <https://www.nytimes.com/es/2018/04/27/halliburton-pdvsa-venezuela/>

2014 г. Венесуэлу покинули более 30 тыс. китайских специалистов. Иностранные компании-интересанты (испанская Repsol, американская Chevron, итальянская ENI, индийская ONGC, китайская CNPC и др.) продолжили свою операционную деятельность, особенно в поясе Ориноко, богатым запасами тяжелой нефти. Тем не менее у зарубежных участников могут возникать проблемы в виде вопросов безопасности персонала или же из-за его правового статуса¹. Российская НК «Роснефть» в марте 2020 г. заявила о полном прекращении своей деятельности в Венесуэле и выходе из всех проектов в стране, включая добычные и нефтесервисные предприятия (ее место заняла «Росзарубежнефть» со 100%-м государственным участием)².

Столкнувшись с финансовыми ограничениями со стороны американской администрации PDVSA, лишилась возможности рефинансировать старые долговые обязательства, а также получать новые займы на рынке США. Это обстоятельство привело к затруднениям в торговых операциях с венесуэльской нефтью и обслуживанию внешней кредитной линии Каракаса, так как международные банки стали осторожней относиться к подобным проектам. Citgo Petroleum – «дочка» PDVSA в условиях имеющихся рестрикций продолжает работать на территории Соединенных Штатов. Тем не менее, по требованию Вашингтона доходы от ее деятельности стали оставаться в американских банках, минуя счета венесуэльской материнской компании. Ввиду очередного ужесточения ограничений со стороны американских властей в марте 2019 г. правительство Венесуэлы решило перенести европейский офис PDVSA из Лиссабона в Москву. Официальное вступление в должность президента США Дж. Байдена в январе 2021 года оставляло пространство для оптимизма. В 2022 году PDVSA и американская Chevron договорились о продолжении эксплуатации месторождений. После заключения Барбадосских соглашений между Каракасом и частью оппозиции в октябре 2023 года в отношении венесуэльского нефтепрома последовало частичное смягчение санкций со стороны Вашингтона. Это несколько стабилизировало уровень добычи нефти в стране (на декабрь 2023 г. он составил – 786 тыс. б/д). Однако это не позволило основной экспортной отрасли этого латиноамериканского государства выйти на прогнозируемые показатели в 1 млн баррелей.

Опыт КНР, который Купер Рамо окрестил «Пекинским консенсусом» для стран «Глобального Юга», куда мы можем отнести Латинскую Америку, оказался как нельзя кстати. Ранее имевшиеся в арсенале государств инструменты не

¹ La producción petrolera de Venezuela, en el peor nivel de 3 décadas. (2018, September). Expansion. <https://expansion.mx/economia/2018/09/12/la-produccion-petrolera-de-venezuela-en-el-peor-nivel-de-3-decadas>

² «Роснефть» прекратила деятельность в Венесуэле. (2020, Май). ТАСС <https://tass.ru/ekonomika/8479609>

позволяли справляться с постоянно обновляющимися вызовами. Идея о том, что для возникновения инновационных начинаний не должно быть единого центра, а они могут появиться в любом уголке планеты, неоднократно подчеркивалась самим автором термина¹. Вместе с тем важной составляющей остается творческая адаптация китайской модели развития при учете уникальности условий каждого отдельно взятого государства². Одним из основных принципов «Пекинского консенсуса» стало стремление к сохранению государствами национально-го суверенитета, которое дополнялось запросом на многополярность, ввиду чего «вашингтонский» подход не мог быть доминирующим.

По мнению отечественного политолога А.Н. Пятакова, происходящие с участием Пекина и его проекта «Нового шелкового пути» в латиноамериканском регионе события представляются «симптомами грядущей смены эпох». Де-факто они указывают на амбиции азиатского гиганта (Пятаков, 2018). Очередные глобальные экономические потрясения, начавшиеся во второй декаде XXI века, поставили перед властями КНР задачу по превращению страны из «мировой фабрики» в технологического лидера (Борейко et al., 2022). Поэтому фокус Пекина на инновационную инфраструктуру (с 2020 года) и включение в ее орбиту через инициативу «Пояс-путь» периферийных стран представляются логичным шагом в реализации поставленных задач. Для этого китайские власти готовы субсидировать своих технологических и цифровых гигантов (например, Huawei и др.), на что, в частности, указывают отечественные исследователи.

Как отмечают в своей работе А.В. Борейко, А.А. Вернигора и С.В. Кислицын, через систему конкретных стандартов «Один пояс – один путь» (ОПОП) – глобальное начинание Китая трансформировалось в весомый рычаг влияния (Борейко et al., 2022, с. 62). Стартовавший в 2014 году и связавший сухопутный трек «Пояса и пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» в начале третьей декады XXI века, этот проект объединяет 152 страны. Участие в нем отрывает перед интересантами возможности не только для экспорта своей продукции на крупнейший рынок, но и потенциальное внедрение передовых цифровых технологий вместе с привлечением инвестиций. В то же время при выстраивании отношений с латиноамериканскими партнерами Пекин придерживается тезиса об «Одном Китае», из-за чего количество латиноамериканских стран, сохраняющих связи с Тайванем, в последние годы заметно сократилось. Среди региональных участников отно-

¹ Волхонский, Б. (2010, Март). Пекинский консенсус как согласие наций (интервью с Джошуа Купером Рамо). Русский журнал (49), 12-13. http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/49/10.pdf

² Komisar, L. (2011, June). Interview with Joseph Stiglitz. The Progressive. <https://clck.ru/3FrRxx>

шения с Тайбэем поддерживают Белиз, Гаити, Гватемала, Гондурас, Парагвай, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренада.

Действия китайских участников главным образом сконцентрированы в торгово-экономической сфере. По мнению российской исследовательницы Е.И. Сафроновой, Пекин стремится выстраивать долгосрочные отношения со странами Латинской Америки по линии кооперации «Юг-Юг», всячески стараясь дистанцироваться от статуса «гегемона» в данной системе координат (Сафронова, 2022). В то же время одним из приоритетных направлений «Пекинского консенсуса» стало расширение ресурсных и инфраструктурных мегапроектов. Хотя нельзя отрицать факт того, что выгодоприобретателями от огромного спроса на латиноамериканские товары на азиатских рынках стали именно национальные элиты Венесуэлы, Эквадора, Перу, Аргентины и др., что позволяло им претворять в жизнь свои планы развития.

Пик инвестиционной активности Пекина в Латинскую Америку через собственные кредитно-финансовые институты, который наблюдался в последнюю декаду, способствовал знакомству китайских компаний с особенностями ведения бизнеса в регионе. В настоящий момент отмечается их большая самостоятельность в реализации отдельных проектов, а вмешательство в этот процесс финансовых учреждений КНР постепенно снижается, позволяя участникам напрямую инвестировать в интересующие их направления. Эту точку зрения, в частности, транслируют научный сотрудник Бостонского университета Р. Рэй и координатор Центра китайско-мексиканских исследований при УНАМ Э. Дюссель Петерс¹.

Сближение с регионом через кредитование инфраструктурных объектов, которые часто проектируются самими странами и вводятся в эксплуатацию совместно с местными компаниями, позволило Китаю разработать алгоритм касательно нормативных вопросов, процедур найма местной рабочей силы и др. особенностей ведения дел с локальным бизнесом. С другой стороны, две декады сотрудничества позволили латиноамериканским чиновникам и местным участникам самим получить представления от опыта работы с представителями КНР.

«Ложкой дегтя» в реалиях региона стало практическое взаимодействие в рамках экономики природной ренты. Это позволило некоторым отечественным, а также латиноамериканским экономистам утверждать, что торговые отношения китайской стороны со странами Латино-Карибской Америки (ЛКА) приобрели «центр-периферийные» черты, что в ряде случаев повышает экологические

¹ Lewkowicz, J. (2024, July). ¿Cómo está cambiando la inversión china en América Latina? Dialogue Earth. <https://dialogue.earth/es/negocios/como-esta-cambiando-la-inversion-china-en-america-latina/>

риски в отдельно взятых локациях региона (Лавут, 2019; Slipak, 2014; Svampa&Slipak, 2015). Вызовом для социальной стабильности региона в зонах строительства и эксплуатации крупных инфраструктурных инициатив стала протестная активность местных сообществ, чьи территории оказались затронуты подобной деятельностью. Ярким примером является проект золотомедного рудника El Mirador стоимостью в 1 млрд. долл. в эквадорской провинции Самора-Чинчипе. Месторождение, чьи запасы руды оцениваются в 3,2 млн тонн управлялось компанией Ecuacorriente – «дочкой» китайского консорциума Tongling Nonferrous Metals Group и China Railway Construction Corp. Ожидалось, что ежегодная отдача при полной загруженности предприятия составит 100 тыс. тонн меди в концентрате, однако компания-оператор вынуждена была приостановить свою работу на руднике из-за социальных протестов в первую очередь с необходимостью обеспечить безопасность сотрудников¹.

Одним из амбициозных инфраструктурных проектов Пекина в Эквадоре стоимостью 2,7 млрд долл. стало сооружение ГЭС Coca Codo Sinclair, крупнейшей в стране. Местные инженеры проводили изыскания по поводу строительства плотины на р. Напо еще в 1970-е годы. Однако завышенная стоимость и близкое расположение действующего вулкана стали теми аргументами, из-за которых было решено отложить реализацию проекта. В 2010 году по договоренности Кито и Пекина начались строительные работы, которыми руководила китайская Sinohydro. По завершении сооружения ГЭС ее мощность должна была составить около 1,5 ГВт, покрыв, тем самым, более половины потребности андского государства. Однако с момента ввода станции в эксплуатацию в 2016 году местные специалисты обнаружили свыше 17 тыс. трещин, которые неоднократно пытались заделать своими силами. Причиной, по мнению эквадорской стороны, являются бракованные детали, поставленные из Китая. В итоге в 2021 году Кито подала судебный иск на Sinohydro, тем не менее, разбирательство всё ещё продолжается².

Приведенные выше примеры являются не единственными проявлениями протестной активности местного населения. В этой связи отдельно следует рассматривать проекты по добыче лития в «литиевом треугольнике» (Аргентина, Боливия, Чили). Так как этот ресурс является важнейшим компонентом для создания аккумуляторов, применяемых в электромобилях и др. технике, то китайское правительство выделяет его в качестве стратегически важного, оказывая всяческую поддержку соответствующим проектам (Koleski & Blivas,

¹ Alvarado, A. (2022, April). Ecuador: proyecto minero Mirador genera nuevas amenazas de desalojo en Tundayme. Mongabay. <https://es.mongabay.com/2022/04/ecuador-proyecto-minero-mirador-genera-amenazas-de-desalojo/>

² WSJ сообщила о трещинах на открытой Си Цзиньпином ГЭС в Эквадоре. (2023, Январь). РБК <https://www.rbc.ru/politics/22/01/2023/63cc9cb69a794783cb4f232e>

2018, р. 14). Здесь также свою роль сыграли устойчивый спрос на сырье на рынках (по состоянию на 11.11.2024 года цена за тонну карбоната лития составила 80 тыс. юаней, ок. 11 тыс. долл.), а также то, что на долю КНР приходится более половины мирового производства литий-ионных аккумуляторов. Это заставило Пекин активнее участвовать в проектах по добыче минерала совместно с региональными участниками (например, с чилийской *Sociedad Química y Minera, SQM*). В Аргентине также было реализовано несколько сделок по слияниям и поглощениям в литиевой сфере. В 2022 г. китайская горнодобывающая компания *Ganfeng Lithium* приобрела аргентинскую *Lithea* для разработки проекта Посуэлос-Пастос-Грандес за 962 млн долларов. Ранее сделку по приобретению канадской *Neo Lithium* и эксплуатации месторождения Трес-Кебрадас на сумму 737 млн долл закрыла *Zijin Mining Group*¹. В Боливии в 2023 г. китайский консорциум CBC (в его составе компании *CATL*, *BRUNP* и *CMOC*) заключил с национальной *Yacimientos de Litio Bolivianos (YLB)* рамочное соглашение по строительству комплексов с использованием в производстве технологии прямого извлечения лития (EDL) на солончаках Уюни и Койпаса. В то же время подобная активность по добыче минерала может стать очередным конфликтогенным фактором для местного населения, так как для его производства (традиционным способом) требуется большое количество водных ресурсов, из-за чего фермеры испытывают сложности в возделывании своих земель. В свою очередь, это способно отразиться на продовольственной безопасности и уязвимости данных районов.

Вопросы политической стабильности государств Латинской Америки в контексте имеющихся социальных и экономических противоречий стимулировали региональные администрации искать альтернативные модели, с чьей помощью можно было бы избежать негативных последствий неолиберальных реформ. Подобные инструменты должны отвечать главному критерию – учитывать особенности местного «периферийного капитализма». Обращение к опыту китайской экономической модели стало тем возможным вариантом, который устраивал латиноамериканский политический и экономический истеблишмент. Прежде всего, потому что «Пекинский консенсус» акцентировал внимание на значении роли государства в экспорт-ориентированной модели развития ключевых участников в регионе. В начале XXI века это обстоятельство особенно ярко проявилось в стремлении многих стран Латинской Америки увеличить сверхприбыли от эксплуатации природной ренты, что, в частности, стало заметно в контексте «левого поворота». С одной стороны, это привело к тому, что

¹ Lewkowicz, J. (2024, July). ¿Cómo está cambiando la inversión china en América Latina? *Dialogue Earth*. <https://dialogue.earth/es/negocios/como-esta-cambiando-la-inversion-china-en-america-latina/>

роль государства стала более значимой. Однако обратной стороной этой «медали» стало усиление зависимости латиноамериканских экономик от мировых цен на ресурсные товары (особенно на азиатских рынках). Это представляется нам практическим проявлением «центр-периферийной» модели и несет ощутимые последствия для региона в целом. Некоторые из секторов, куда инвестирует Китай, такие как энергетика, горнодобывающая промышленность и литий, оказывают значительное воздействие на окружающую среду. Несмотря на большой опыт китайских компаний в ведении переговоров с заинтересованными группами, большее количество инициатив в этой области может генерировать потенциальные риски социально-экологических конфликтов.

Латинская Америка и Карибский бассейн нуждаются в огромных инвестициях в инфраструктуру, которые позволят сделать шаги вперед на пути энергетического перехода, как долгосрочного проекта промышленной, территориальной и социальной адаптации. Однако на этом пути есть риск попасть в зависимость, если регион не сможет развить свою собственную конкурентоспособность, для чего необходимо выдвижение инициатив в области образования и создания соответствующих рабочих мест. В то же время возможность оценить степень воздействия «Пекинского консенсуса» на латиноамериканских участников потребует от исследователей дальнейших изысканий в среднесрочной перспективе.

Литература

- Gudynas, E. (2014). *Derechos de la Naturaleza. Ética biocéntrica y políticas ambientales.*, 225.
- Escude, C. (2012). *Principios de realismo periférico: vigencia de una teoría argentina ante el ascenso de China*, 170.
- Lengruber, V. (2021). Dependency Theory: developments and contributions to international relations. *Cuadernos Iberoamericanos*. 9 (1), 32-49. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>.
- Koleski, K. & Blivas, A. (2018, October). China's Engagement with Latin America and the Caribbean. U.S. *China Economic and Security Review Commission*, 65.
- Li, Xi, Brødsgaard, K.E. & Jacobsen, M. (2009). Redefining Beijing Consensus: Ten general principles. *Copenhagen Discussion Papers*, 29, 33.
- Slipak, A. (2014). Un análisis del ascenso de China y sus vínculos con América Latina a la luz de la Teoría de la Dependencia. *Realidad Económica*. <https://ri.conicet.gov.ar/handle/11336/92415>
- Svampa, M. & Slipak, A. (2015). La Chine en Amérique latine, du consensus des matières premières au consensus de Beijing. *Problemes d'Amérique Latine*, (98), 97-125.
- Svampa, M. (2019). *Neo-extractivism in Latin America: Socio-environmental conflicts, the territorial turn, and new political narratives*. Cambridge University Press, 73. <https://doi.org/10.1017/9781108752589>
- Stiglitz, J. (2008). Is there a Post-Washington Consensus Consensus? *The Washington Consensus Reconsidered*, 41-56. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199534081.003.0004>
- Ананьин, О. И., Хаиткулов, Р. Г., Шестаков, Д. Е. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв. *Мировая экономика и международные отношения*, (12), 15-27.

Борейко, А. В., Вернигора А. А., Кислицын С. В. (2022). Инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах. *Общественные науки и современность*, (5), 60–75. <https://doi.org/10.31857/S0869049922050021>.

Борзова, А. Ю. (2009). Особенности отношений КНР со странами Латинской Америки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история»*, (4), 27–41.

Дабагян, Э. С. (2016). Поднебесная на просторах Латинской Америки. *Свободная мысль*, (4), 151–164.

Еремин А. А. (2021). Периферийный реализм Карлоса Эскуде. *Иberoамериканские тетради*, 9(1), 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

Лавут, А. А. (2019). Влияние китайской экономической экспансии на среду обитания стран Латинской Америки и Карибского бассейна. *Латинская Америка*. (6), 5–17. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005096-4>.

Лебедева, М. М. (2017). Незападные теории международных отношений: миф или реальность. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*, 17, (2), 246–256.

Петрунина, Ж. В., Шушарина, Г. А. (2024). Космическая программа Китая и ее реализация в странах Латинской Америки. *Вестник Томского государственного университета. История*, (91), 103–109. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/12>

Пятаков, А. Н. (2018). Латиноамериканские подходы к глобализации: взгляд сквозь XXI век. *Мировая экономика и международные отношения*, (1), 86–94. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93>

Пятаков, А. Н. (2018). Китай и Боливарианский сектор Латинской Америки. *Свободная мысль*, (4), 113–130. <http://svom.info/entry/846-kitaj-i-bolivarianskiy-segment-latinskoj-ameriki/>

Розенталь, Д. М. (2016). Дракон над Каракасом. Китайско-венесуэльские отношения в XXI веке. *Латинская Америка*, (3), 39–50.

Сафронова, Е. И. (2022). Значение Латинской Америки для международных позиций Китая. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*, (27), 210–224.

Цыганков, П. А. (2013). Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*, (5), 3–25.

References

Anan'in, O. I., Khaitkulov, R. G. & Shestakov, D. E. (2010). Vashingtonskii konsensus: peizazh posle bitv [The Washington Consensus: The Landscape after the Battles]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. (12), 15–27. (In Russ.)

Boreiko, A. V., Vernigora, A. A. & Kisilitsyn, S. V. (2022). Infrastrukturnaya konkurentsiya SShA i KNR v razvivayushchikhsya stranakh [Infrastructure competition between the United States and China in developing countries] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (5), 60–75. <https://doi.org/10.31857/S0869049922050021>. (In Russ.)

Borzova, A. Yu. (2009). Osobennosti otnoshenii KNR so stranami Latinskoj Ameriki [Features of China's relations with Latin American countries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya «Vseobshchaya istoriya»*. (4), 27–41. (In Russ.)

Dabagyan, E. S. (2016). Podnebesnaya na prostorakh Latinskoj Ameriki [The Celestial Empire in the vastness of Latin America]. *Svobodnaya mysl'*. (4), 151–164. (In Russ.)

Eremine, A. A. (2021). Periferiinyi realizm Karlosa Eskude. [The Peripheral Realism of Carlos Escude]. *Iberoamerikanskije tetradi*. 9(1), 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>. (In Russ.)

Escude, C. (2012) *Principios de realismo periférico: vigencia de una teoría argentina ante el ascenso de China*. (In Spanish)

Gudynas, E. (2014). *Derechos de la Naturaleza. Ética biocéntrica y políticas ambientales*. CLAES. (In Spanish)

Koleski, K. & Blivas, A. (2018, October). *China's Engagement with Latin America and the Caribbean*. U.S.- China Economic and Security Review Commission, 65 p.

Lavut, A. A. (2019). Vliyanie kitaiskoj ekonomicheskoi ekspansii na sredu obitaniya stran Latinskoj Ameriki i Karibskogo basseina [The impact of Chinese economic expansion

on the habitat of Latin America and the Caribbean]. *Latinskaya Amerika*. (6), 5-17. DOI 10.31857/S0044748X0005096-4. (In Russ.)

Lebedeva, M. M. (2017). Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost' [Non-Western Theories of International Relations: Myth or Reality?]. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»*. Vyp. 17. (2), 246-256. (In Russ.)

Lengruber, V. (2021). Dependency Theory: developments and contributions to international relations. *Cuadernos Iberoamericanos*. 9 (1), 32-49. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>. (In English)

Li, Xi, Brødsgaard, K.E. & Jacobsen, M. (2009) Redefining Beijing Consensus: Ten general principles. *Copenhagen Discussion Papers*. (29), 33 p. (In English)

Petrulina, Zh. V., Shusharina, G. A. (2024). Kosmicheskaya programma Kitaja i ee realizatsiya v stranah Latinskoj Ameriki [Development of China's space program and its implementation in the Latin American countries.] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. (91), 103–109. doi: 10.17223/19988613/91/12 (In Russ.)

Pyatakov, A. N. (2018) Kitai i Bolivianskii sektor Latinskoj Ameriki [China and the Bolivarian sector of Latin America]. *Svobodnaya mysl'*. (4), 113-130. <http://svom.info/entry/846-kitaj-i-bolivianskij-segment-latinskoj-ameriki/> (In Russ.)

Pyatakov, A. N. (2018). Latinoamerikanskije podkhody k globalizatsii: vzglyad skvoz' XXI vek [Latin American Approaches to Globalization: a Look through the 'XXI Century']. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. (1), 86-94. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93> (In Russ.)

Rozental', D. M. (2016). Drakon nad Karakasom. Kitaisko-venesuel'skie otnosheniya v XXI veke. [The dragon over Caracas. Sino-Venezuelan relations in the 21st century]. *Latinskaya Amerika*, (3), 39-50. (In Russ.)

Safronova, E. I. (2022). Znachenie Latinskoj Ameriki dlya mezhdunarodnykh pozitsii Kitaya [The importance of Latin America for China's international position]. Kitai v mirovoi i regional'noi politike. *Istoriya i sovremennost'*. (27), 210-224. (In Russ.)

Slipak, A. (2014). *Un análisis del ascenso de China y sus vínculos con América Latina a la luz de la Teoría de la Dependencia*. Realidad Económica. <https://ri.conicet.gov.ar/handle/11336/92415> (In Spanish)

Stiglitz, J. (2008). *Is there a Post-Washington Consensus Consensus?* The Washington Consensus Reconsidered, 41-56. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199534081.003.0004> (In English)

Svampa, M. (2019). *Neo-extractivism in Latin America: Socio-environmental conflicts, the territorial turn, and new political narratives*. <https://doi.org/10.1017/9781108752589> (In English)

Svampa, M. & Slipak, A. (2015). La Chine en Amérique latine, du consensus des matières premières au consensus de Beijing. *Problemes d'Amérique Latine*, (98), 97-125. (In French)

Tsygankov, P. A. (2013). Sistemnyi podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [A systematic approach in the theory of international relations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. (5), 3-25. (In Russ.).

Для цитирования: Шинкаренко, А. А. В объятиях зависимости? Латиноамериканские перипетии «пекинского консенсуса» / А. А. Шинкаренко // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 78-97. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-78-97